

Вода струями стекала по лобовому стеклу. Цяо Юаньлинь смотрел на запертые ворота неподалеку — величественные, суровые и мрачные. Его широко раскрытые глаза были прикованы к выведенным на стене крупным буквам, которые, точно стальные гвозди, намертво пригвоздили его к сиденью. — Вторая тюрьма Чэнси.

Лян Чэн тоже посмотрел туда. Спокойная жизнь и вправду оказалась для него непозволительной роскошью. Прошедшие дни были похожи на зыбкий мираж — не стоило всматриваться слишком глубоко, иначе иллюзия могла рассыпаться в любой момент.

Так не лучше ли было самому вскрыть этот нарыв, чтобы вернуть себе право на честность и внутреннюю свободу?

Его лицо подернулось ледяной коркой, под которой скрывалось истерзанное, но по-прежнему гордое достоинство. Вся его суть, внешняя оболочка и внутренний мир, были выставлены напоказ перед Цяо Юаньлинем.

Лян Чэн повторил:

— Тебе правда все равно?

Цяо Юаньлинь остолбенел.

Лян Чэн добавил:

— Даже если... я убил человека.

Лян Чэн вытащил Цяо Юаньлиня из машины вместе с плюшевой куклой. Под ногами хлюпала грязь. Удерживая спотыкающегося парня, Лян Чэн замер посреди глухой ночной темноты.

Цяо Юаньлинь во все глаза глядел на ворота. Лян Чэн мертвой хваткой вцепился в его плечи, заставляя смотреть на эту тюрьму — такую близкую сейчас и такую бесконечно далекую от привычной жизни Цяо Юаньлиня.

Что он только что услышал? Убийство?

Цяо Юаньлинь одеревенело покачал головой, и его едва слышный шепот сорвался с губ:

— Нет... не обманывай меня так.

Лян Чэн прижался к его спине и отчетливо, отдельно произнес:

— Я не лгу тебе. Я преступник. Я убил человека и сидел в тюрьме.

Он убрал одну руку с его плеча, протянул ее перед лицом Цяо Юаньлиня и, опустив голову, стал показывать пальцами:

— Скальпелем. Вот таким тонким, маленьким, невероятно острым. Одно движение — и острие вошло прямо в грудную клетку.

Цяо Юаньлинь в испуге качнулся назад и попал в холодные объятия Лян Чэна. Прежде всякий раз именно Цяо Юаньлинь набирался смелости и раскрывал руки навстречу, но теперь сам Лян Чэн крепко прижимал его к себе.

— Я не верю, — глухо проговорил он.

Теплое дыхание Лян Чэна, смешанное с холодным морозящим дождем, действовало как сводящий с ума наркотик и одновременно как лишаящая чувств анестезия. Каждая его фраза методично истязала натянутые нервы Цяо Юаньлиня:

— Ты ведь очень умный. Знаешь? Ты давно обо всем догадался. У Ин Сяоцун есть судимость, и у меня тоже. Мы с ней познакомились во Второй тюрьме.

— Полицейский, который приходил к нам, — это Чэн Лие. После того как я совершил убийство, именно он меня арестовал.

— Мне дали два года. Теперь понимаешь, почему я бросил учебу? Почему ты не мог найти меня, когда ходил в Седьмую школу?

Лян Чэн не отрывал взгляда от этой каменной клетки. Чинить электроприборы он научился там же, как и оценивать золото. Хэ Цзе, приходя к нему на свидания, постоянно плакала. Дуань Сыцунь тоже навещал его и приносил учебные материалы, чтобы было чем занять время.

Со временем ему это надоело, он стал отказываться от свиданий, а выйдя на свободу, и вовсе оборвал контакты со всеми знакомыми.

Когда он наткнулся на посты Цяо Юаньлиня на форуме Седьмой школы, его прошиб холодный пот. А в школе Дэсинь при каждом обращении «ассистент Лян» его охватывал жгучий стыд.

У него было не так уж много тайн — хватило и одной этой, стоило лишь открыть рот, чтобы растоптать последнее достоинство.

Но надо же было Цяо Юаньлиню стать его погибелью: сначала тот настойчиво искал с ним встречи, чтобы отплатить за спасение, а теперь еще и полюбил. Какая злая ирония: пока мальчик изо всех сил разыскивал своего спасителя, тот стоял в кандалах на скамье подсудимых, а после коротал сотни дней и ночей за высокой стеной с железными решетками на окнах.

Испачканный стол можно вытереть дочиста, но как быть с человеком?

Если грязное клеймо выжжено на самой твоей сути, неужели от него не отмыться до конца дней?!

Цяо Юаньлинь крупно дрожал:

— Это безумие...

Лян Чэн уткнулся лицом в его затылок, и его хриплый голос затерялся в мягких прядях волос:

— Верно. Полюбить убийцу — действительно безумие.

Цяо Юаньлинь отчаянно рванулся в сторону, пытаясь вырваться:

— Это не про тебя!

Внезапно Лян Чэн разжал объятия. Плюшевая кукла шмякнулась прямо в грязную лужу. Порыв ветра швырнул в лицо холодные капли, и силуэт стоявшего напротив мужчины расплылся перед глазами.

— Цяо Юаньлинь, — негромко позвал Лян Чэн.

Тот закрыл руками голову, упрямо твердя:

— Я не хочу ничего слушать...

Но голос Лян Чэна прозвучал безжалостно и отчетливо:

— Игрушка, которую ты подобрал, вовсе не была просто выброшенной вещью. Ты притащил к себе домой такой же мусор, как я.

Салон автомобиля пропитался запахом сырой земли. Цяо Юаньлинь неподвижно сидел на пассажирском сиденье. Лян Чэн сам пристегнул его ремнем безопасности и перед тем, как завести двигатель, достал какой-то документ и небрежно бросил его на приборную панель.

Цяо Юаньлинь сразу узнал этот документ — тот самый, что лежал запертым в ящике письменного стола и который он так и не успел рассмотреть, подчинившись резкому приказу Лян Чэна. Дрожащими пальцами он взял книжку. Внутри лежал листок — справка об освобождении. Слова словно потеряли смысл, он не мог разобрать ни фамилии, ни имени.

Зато прикрепленная к бланку фотография безжалостно была по глазам: коротко остриженные волосы, мрачный взгляд и гнетущий темно-синий фон.

Дождь хлынул с новой силой, стеной застилая все вокруг. Двигатель старенького минивэна нутжно гудел, словно готовясь вот-вот развалиться, не в силах одолеть долгую обратную дорогу.

Вдоль трассы тянулись редкие придорожные мотели. Время давно перевалило за полночь, и в большинстве из них уже не горел свет. Лян Чэн отыскал гостиницу, где еще теплились огни, и свернул к ней на ночлег.

За те несколько метров, что отделяли парковку от входа, оба промокли насквозь. Хозяин заведения, дремавший за стойкой, проснулся от скрипа двери и сонно заворчал, требуя документы.

Лян Чэн протянул свой паспорт, вытянул из стоявшей на стойке коробки несколько салфеток и сунул их в руки Цяо Юаньлиню:

— Вытри лицо.

Цяо Юаньлинь стоял неподвижно, с его бледного лица непрерывно стекали капли. Лян Чэн забрал салфетки назад, приподнял руку, но так и не решился коснуться его.

— Погода паршивая, все дальнбойщики у нас осели, — лениво проговорил хозяин. — Остался только один маленький стандартный двухместный. В номере все платное, кроме питьевой воды. Залог — сто юаней.

Лян Чэн расплатился и повел Цяо Юаньлиня на второй этаж. Номер на теневой стороне оказался сырым и убогим: две односпальные кровати стояли почти вплотную, а от одеяла на той, что у окна, отчетливо несло плесенью.

Цяо Юаньлинь безучастно замер у края кровати. После оглушительного потрясения все его чувства словно притупились; он ощущал лишь пронизывающий холод и мелко, безостановочно дрожал.

Лян Чэн подошел к окну и задернул шторы.

— Сними мокрую одежду, — негромко скомандовал он. — Ложись в постель и укройся потеплее.

Цяо Юаньлинь едва разобрал его слова. Он без сил повалился на постель; в вихре головокружения перед его внутренним взором снова возникли тюремные стены, тяжело и безжалостно давя на сознание.

— Брат... — с тихим отчаянием позвал он виновника своих мук. — Лян Чэн.

Словно в горле застряла колючая игла, Лян Чэн ничего не ответил. Он молча подошел, приподнял безучастного парня, помог ему снять промокшие вещи и укутал в одеяло.

Он зашел в ванную, смочил в горячей воде полотенце и бережно вытер лицо и волосы Цяо Юаньлиня. Затем, просунув руку под одеяло, принялся обтирать его ледяную, влажную кожу, не пропустив даже поджатые от холода пальцы ног.

Цяо Юаньлинь лежал на подушке — безжизненный, мертвенно-бледный, похожий на ту самую заброшенную куклу, оставленную гнить в дорожной грязи.

За окном шумела ночная гроза, из соседней комнаты доносился нелепый храп, по трассе с ревом проносились редкие фуры. Но в этом шумном мире лишь их комната была погружена в гробовое молчание.

Цяо Юаньлинь никак не мог согреться; он свернулся калачиком под одеялом. Но стоило Лян Чэну подняться на ноги, как парень встрепенулся и рванулся к нему, но его пальцы поймали лишь пустоту.

На столе лежало немного нехитрой провизии. Лян Чэн распечатал упаковку лапши быстрого приготовления и заварил ее без острых специй, после чего заставил Цяо Юаньлиня сделать несколько глотков горячего бульона. На щеки юноши вернулся слабый румянец, выдававший, однако, лишь болезненную слабость.

Сам Лян Чэн к еде не прикоснулся. Он так и сидел в мокрой одежде, даже не думая лечь на соседнюю кровать со следами плесени. Смахнув пальцем влагу с губ Цяо Юаньлиня, он тихо проговорил:

— Придется перетерпеть до утра. Спи.

Настольная лампа погасла. Лян Чэн остался сидеть у постели, погруженный во тьму и неподвижность.

Словно догадываясь, что Цяо Юаньлинь лежит с открытыми глазами, Лян Чэн протянул руку и ладонью прикрыл ему лицо. Юноша боялся его — иначе с чего бы его ресницам так испуганно дрожать, щекоча кожу?

Неужели именно эта рука сжимала скальпель и отняла чужую жизнь? Цяо Юаньлинь в муке зажмурился, но память упрямо воскрешала иное: как эта же ладонь опускалась на его грудь, спасая от смерти.

Завернувшись в одеяло, Цяо Юаньлинь рывком поднялся и со спины навалился на Лян Чэна, отчего тот невольно подался вперед. Парень мертвой хваткой вцепился в него, прижимаясь

лицом к влажной от дождя одежде на чужой спине.

Лян Чэн не попытался отстранить его и не проронил ни слова.

Цяо Юаньлинь сжал руки еще крепче, упираясь кулаком в спину Лян Чэна в том месте, где билось сердце, и слепо цепляясь за эту хрупкую надежду. Плечи его содрогнулись, и он глухо, сквозь слезы, произнес:

— Ты спас меня. Ты не можешь быть плохим...

Лян Чэн нащупал на столе пачку сигарет, достал одну и прикурил. Вспышка зажигалки оказалась слишком короткой, чтобы осветить блеснувшую у его глаза слезу. В полной темноте затеплился и стал мерно пульсировать оранжевый огонек.

— Ложись в постель, — хрипло проговорил он. — Не простудись.

— Что еще ты мне скажешь? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Не подбирай что попало на улице, у тебя и так слабый иммунитет. Питайся нормально, а фастфудом балуйся лишь изредка. Не засиживайся допоздна за учебой. Если на посту руководителя отдела будет слишком тяжело — увольняйся, ничего страшного не случится.

В этих словах сквозила неность человека, раскрывшего все свои карты, и жалость того, кто только что разрушил чужие иллюзии. Страх захлестнул Цяо Юаньлиня ледяной волной — он уже все понял.

— Лян Чэн... — всхлипнул он, давясь слезами. — Ты ведь уходишь, да?

Цяо Юаньлинь пролежал, прильнув к спине Лян Чэна, до самого утра. Его тело затекло, но ему было тепло, и даже в самые холодные предрассветные часы он не почувствовал стужи.

Дождь наконец полностью прекратился, обнажив ярко-синее небо. Машины, останавливавшиеся у мотеля на ночлег, одна за другой трогались в путь. Лян Чэн приоткрыл окно сбоку, чтобы утренний ветер унес скопившийся в салоне запах табака.

<http://bllate.org/book/18284/1753056>